

С. В. Белецкий
(Санкт-Петербург)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТРЕЗУБЦА ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

Происхождение трезубца Владимира Святого, ныне ставшего государственным гербом Украины, в разное время объясняли по-разному. И. И. Толстой¹, подводя итоги дискуссии о смысловом значении «загадочных знаков» на древнейших русских монетах, перечислил основные версии, предлагавшиеся к обсуждению: трезубец (Карамзин), светильник или паникадило (Воейков, Шодуар, Сахаров, Шуберт), хорутвь (Волошинский, Ланглау, фон Тилену), портал храма (Строганов), якорь (Бартоломей), птица – ворон (Кёне) или голубь (Куник), навершие византийского скипетра (Уваров). Сам И. И. Толстой видел в этом изображении хорутвь, однако осторожно высказался в пользу геральдического значения знаков: «Это было знамя (в смысле отличительного знака, герба) великих князей Киевских. <...> Если принять, что наша фигура имеет геральдический смысл, то все изменения ее (различия между знаками на разных монетах. – С. Б.) становятся тотчас допустимыми. Действительно, геральдическая фигура имела всегда свойство изменяться, служа отличительным знаком рода, при переходе из одного поколения в другое или из линии в линию»².

Читавший текст Толстого в рукописи А. А. Куник дополнил эти рассуждения следующим комментарием: «Так как фигура эта находится не только на монетах Владимира, но появляется и на монетах его двух сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно было бы исследовать, не представляет ли она собой семейное знамя, фамильный знак... Такие родовые знамена нередко возникали из знаков собственности... Унаследован ли знак Владимиром... или он выдуман после его крещения, пока трудно решить. В пользу первого предположения говорит то обстоятельство, что он употреблялся и двумя его сыновьями»³.

Толстой, публикуя замечания Куника в своем труде, отметил: «Последнее объяснение г. Куника фигуры знаком собственности заслуживает серьезного внимания и, кажется, ища именно в этом направлении, можно будет со временем найти разгадку загадочной фигуры... Первоначальная форма знаков собственности постоянно изменяется при переходе по наследству от одного лица к другому. Изменения эти состоят или в урезке какой-нибудь части основной фигуры, или же в прибавке каких-нибудь украшений; особенно часто замечается прибавка крестов к какой-нибудь части фигуры, причем кресты бывают самой разнообразной формы. То же явление мы замечаем и в нашей загадочной фигуре»⁴.

О смысловом значении знаков на монетах высказывались и другие мнения. Так, П. И. Миллюков сопоставлял трезубец на монетах Владимира со шлемами, изображенными

Ил. 1 Геральдическая подвеска № 136.
Местонахождение неизвестно

либо герб великих князей Киевских», исследователь полагал, что знак в форме трезубца на монетах Владимира «образовался из букв греческого алфавита, которые составляют титул монарха» — βασιλεύς⁹.

Большинство из перечисленных гипотез сохранилось в литературе вплоть до настоящего времени, кроме того, к ним добавились и некоторые новые: О. М. Рапов¹⁰, С. С. Ширинский¹¹ и В. И. Кулаков¹² видели в знаке схематичное изображение птицы — сокола или орла. При этом О. М. Рапов напомнил о предположении, высказанном С. А. Гедеоновым в 1876 году: «Изображенная на игоревой гривне птица с поднятыми кверху когтями может быть сокол-рерию»¹³. Он полагает, что это предположение могло относиться к какой-то из древнейших русских монет¹⁴. Г. Шаповалов¹⁵ считает трезубцы на монетах Ярослава изображениями якоря. В знаках Рюриковичей видят также изображение шпоры¹⁶ или лады¹⁷. А. Л. Хорошкевич интерпретирует трезубец Владимира Святого в качестве христограммы, которую князь поместил «на лицевой стороне своих монет, тем самым торжественно оповещая всех, что и он принадлежит к христианскому миру, что и он не языческий, а христианский правитель»¹⁸. По мнению украинского философа А. Братко-Кутынского, символика трезубца пронизана глубоким философским смыслом: исследователь уверен в том, что трезубец символизирует тысячелетнюю украинскую самостийность, генетически связан со знаковыми системами древних народов (от энеолита до Боспорского царства) и обозначает триединство жизнетворящих энергий («мудрость, знание, любовь»; «огонь, вода, земля» и прочее)¹⁹.

Отдавая должное более или менее остроумным построениям, лежащим в основе высказанных мнений, я хотел бы предложить вниманию коллег новый артефакт, имеющий, как мне представляется, самое непосредственное отношение к проблеме происхождения трезубца Владимира Святого²⁰.

В 2015 году И. Ю. Сорокин опубликовал серебряную геральдическую подвеску, найденную близ с. Малая Киреевка Винницкой области в Украине²¹. В сводном каталоге геральдических подвесок ей был присвоен № 136²² (ил. 1). На стороне «А» подвески помещено изображение княжеского знака, ножка и основание зубцов у которого утрачены. В площадь фрагмента вошли верхние части двух боковых зубцов, между которыми помещено изображение хищной птицы, обращенной вправо. На шее у птицы двумя черточками обозначен ошейник, из головы «вырастает» изображение четырехконечного креста. Над крестом помещено рельефное изображение перевернутого трилистника.

Сторона «Б» гладкая, но в верхней части также помещено рельефное изображение перевернутого трилистника, аналогичное изображению на стороне «А». Сквозь трилистника просверлено отверстие.

Ил. 2. Геральдическая подвеска № 136, сторона «А». Реконструкция автора

Наибольший интерес вызывает изображенная на подвеске птица. Сходные изображения зафиксированы в граффити на дирхеме²³, на геральдической подвеске № 59²⁴, а также на псевдодирхемах группы bird coin²⁵. Однако между изображением птицы на подвеске № 136 и прочими перечисленными изображениями имеется принципиальное различие. На подвеске № 59, в граффити и на монетах птица, безусловно, является самостоятельным изображением символом. Этого нельзя сказать об изображении на подвеске № 136. Конечно, нижняя часть этой подвески утрачена. Тем не менее на сохранившейся части хорошо видно, что внешний контур изображения птицы соединялся с внутренним контуром левого зубца. Предположив, что точно так же контур изображения птицы соединялся и с правым зубцом, мы, таким образом, устанавливаем, что на стороне «А» подвески № 136 помещено изображение не двузубца, а трезубца, центральным зубцом которого являлось изображение птицы (ил. 2).

Двузубцы и трезубцы на Руси в X–XI веках представляли собой социально-престижные изобразительные символы князей Рюрикова дома. Родовой двузубец переходил без изменений от отца к старшему сыну со времен по крайней мере Игоря Рюриковича (ум. 945), а возможно, и Рюрика (ум. 879). Двузубец использовали Святослав Игоревич (ум. 972), Ярополк Святославич (ум. 980) и Святополк Ярополчич (ум. после 1019). Трезубец же первым использовал Владимир Святославич (ум. 1015), и в дальнейшем этот знак наследовался (с изменениями) его сыновьями и внуками. Таким образом, трезубец Владимира, безусловно, является вторичным по отношению к родовому двузубцу Рюриковичей.

Владимир Святославич родился не позднее 963 года. Можно определенно утверждать, что княжич использовал трезубец уже при жизни отца. Об этом свидетельствует роговая геральдическая подвеска № 31 с изображениями двузубца (позднее переделанного в трезубец) и трезубца, найденная в слое 26-го яруса (954–973) Троицкого раскопа Новгорода²⁶. Правда, эта подвеска была детской игрушкой²⁷, однако очевидно, что она воспроизводила подлинную геральдическую подвеску – такую, например, как фрагментарно сохранившаяся серебряная подвеска № 63 с изображениями двузубца и трезубца²⁸. Сочетание знаков на подвеске указывает на то, что держатель подвески являлся представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского наместника. Именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде. Таким образом, лично-родовым знаком в виде трезубца Владимир начал пользоваться не позднее 970 года, когда он занял новгородский княжеский стол.

Подвеска № 136 происходит из случайных находок, поэтому изображенный на ней трезубец не имеет узкой даты. Уточнить датировку подвески позволяют перечисленные

выше изображения «птицы с крестом». Ближайшей аналогией птице на подвеске можно считать граффити на саманидском диргеме, на котором птичья головка также повернута вправо. На лицевой стороне монеты, по мнению Вяч. С. Кулешова, удается прочитать остатки даты: Саманиды, Абд ал-Малик ибн Нух или (менее вероятно) Нух ибн Наср, 310-е гг. хиджры, то есть 952–960 годы²⁹. Е. Лемберг, на определение которого ссылается И. Ю. Сорокин³⁰, датирует монету 346 г. х., то есть 958 годом. Следовательно, граффити не могло появиться на монете раньше этого времени.

Такая же птица в ошейнике и с крестом, растущим из головы, но обращенная влево, зафиксирована на стороне «Б» подвески № 59, найденной в камерном погребении № 6 псковского некрополя. С учетом того что в погребении найдены четыре монеты, младшая из которых была отчеканена в 953/954 году и имела отверстия для подвешивания³¹, можно думать, что захоронение было совершено не раньше 960-х – начала 970-х годов. Следовательно, время изготовления подвески определяется, самое позднее, в пределах середины – третьей четверти X века.

Наиболее ранними среди известных изображений «птиц с крестом» являются обращенные влево птичьи головки на псевдодиргемах группы bird coin. Большинство исследователей сходятся в том, что такие монеты чеканились на Руси. Время чеканки Г. Рисплинг первоначально определял 920-ми – началом 930-х годов и считал вероятным эмитентом князя Игоря Рюриковича³². В настоящее время исследователи сходятся в том, что монеты с изображением птичьей головки чеканились княгиней Ольгой (ум. 969) в конце 940-х – начале 950-х годов³³.

Сходство изображений птицы на монетах группы bird coin и подвеске № 59 не вызывает сомнения, но между этими изображениями имеется и принципиальное различие: на монетах крестик отчетливо отделен от изображения птицы, в то время как на подвеске крест «вырастает» непосредственно из птичьей головки. Вероятно, при изготовлении подвески мастер копировал изображение с дефектного, сильно стертого экземпляра монеты, на котором крестик и голова птицы слились в одно изображение. Если так, то изображение птицы на подвеске № 59, безусловно, вторично по отношению к монетным изображениям, причем мастер, изготовивший подвеску, хотя и сохранил характерное обращение птицы влево, но копировал монетное изображение, уже не понимая его смыслового значения.

На подвеске № 136 и в граффити птица обращена вправо, поэтому прямое заимствование изображений с монеты группы bird coin или подвески, аналогичной подвеске № 59, маловероятно. Скорее всего, оба изображения были скопированы с геральдической подвески неизвестного пока типа, облик которой сохранился в граффити: на одной стороне размещалось изображение простого двузубца, а на другой – изображение птицы, обращенной вправо. Такая подвеска, вероятно, была репликой подвески, аналогичной псковской подвеске № 59. Иными словами, неизвестная геральдическая подвеска должна быть отнесена к несколько более позднему времени, чем подвеска № 59.

Размещение на подвеске двух разных социально-престижных изобразительных символов свидетельствует о том, что держатель подвески в своей деятельности выступал представителем одновременно двух лиц. При формальном равенстве сторон подвески невозможно определить, на какой из них было помещено главное изображение, так что держатели подвесок с изображениями социально-престижных символов на обеих

сторонах представляли интересы соправителей-дуумвиров. Таким образом, держатели подвесок с двусторонними изображениями социально-престижных символов, подобной подвеске № 59, выступали представителями дуумвиров, один из которых являлся представителем правящей на Руси династии, а другой – лицом, не принадлежавшим к правящей династии, но обладавшим властью, сопоставимой с властью великого князя. В юды княжения Святослава такими полномочиями в его окружении обладали два человека – мать Святослава, вдовствующая княгиня Ольга (ум. 969), и воевода Свенельд (ум. после 977).

Трезубец, изображенный на подвеске № 136, представляет собой результат соединения в одно изображение двух различных символов – двузубца и «птицы с крестом». Очевидно, что владелец трезубца на подвеске № 136 наследовал одновременно и владельцу двузубца, и владельцу «птицы». Слияние в знаке Владимира изобразительных символов его отца и бабки, на мой взгляд, вполне возможно и даже весьма вероятно. Полагаю, поэтому, что владельцем «птицы с крестом»³⁴ – второго элемента, составившего трезубец на подвеске № 136, была княгиня Ольга.

Ранее я отмечал, что княгини, вероятнее всего, пользовались упрощенными версиями княжеских знаков своих мужей – двузубцами и трезубцами, лишенными ножки³⁵. Судя по исключительной редкости знаков без ножек, случаи их использования также были крайне редки. Иными словами, употребление княгинями упрощенных версий лично-родовых знаков своих мужей в каждом конкретном случае было вызвано исключительными обстоятельствами, при которых сами князья были лишены возможности отправлять властные полномочия. Княгине Ольге я персонифицировал двузубец без ножки, процарапанный на стороне «А» костяной подвески № 32 из Новгорода, и предполагал, что княгиня пользовалась упрощенным двузубцем мужа, встав во главе государства после гибели Игоря³⁶.

Но если двузубец без ножки символизировал власть великой княгини на территории всей державы Рюриковичей, то «птицу с крестом» следует рассматривать в качестве родового символа Ольги, то есть в качестве символа властных полномочий в территориально ограниченном пространстве ее отчины. По мнению большинства исследователей, отчиной Ольги были Псков и его округа³⁷.

Таким образом, создание в конце 960-х годов для Владимира лично-родового символа было, вероятнее всего, вызвано необходимостью ввести юного княжича в права наследования Пскова и его округа – отчины его бабки.

Очевидно, что для соединения в один знак одновременно и родового двузубца Рюриковичей, и родового символа Ольги требовалось согласие обоих владельцев исходных символов. Если так, то знак на подвеске № 136 наверняка появился при жизни Ольги, то есть до 969 года. Таким образом, Владимир получил лично-родовой знак раньше, чем он получил «из руки отца» новгородский стол. Ему в конце 960-х годов было не больше 6–7 лет, так что лично-родовой знак для него создали отец и бабка.

Присоединение к двузубцу Рюриковичей в качестве особого третьего зубца именно псковской «птицы» вряд ли было случайным. Включение в герб Владимира родового символа Ольги стало, вероятнее всего, следствием (и одновременно публичной демонстрацией) передачи княжичу прав на отчинные владения его бабки. Тем самым Ольга незадолго до своей смерти постаралась обеспечить будущее внука³⁸. Скорее всего,

это было сделано с согласия Святослава, который, в соответствии с существовавшими нормами наследственного права, должен был унаследовать владения с существовавшими в том случае, если бы не было иных распоряжений завещательницы³⁹.

- ¹ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского : Нумизматический опыт. СПб., 1882. С. 165–185.
- ² Там же. С. 158, 179.
- ³ Там же. С. 185.
- ⁴ Там же. С. 186, примеч. 1.
- ⁵ Цит. по: Орешников А. В. Новые материалы к вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. М., 1894. Т. 10. С. 304.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Arne T. J. Sveriges förbindelser med östern under vikingatiden // Fornvannen meddelanden fran Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens. Stockholm, 1911.
- ⁸ Орешников А. В. Новые материалы к вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах; Его же. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия Академии наук СССР. 1930. № 2; Его же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 33.
- ⁹ Болсуновский К. В. Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских. Киев, 1908. С. 3–6.
- ¹⁰ Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3.
- ¹¹ Ширинский С. С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М., 1968.
- ¹² Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3.
- ¹³ Геденов С. Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. 2. С. XXXIV; Цит. по: Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола. С. 63.
- ¹⁴ Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола. С. 63.
- ¹⁵ Шаповалов Г. Походження українського тризуба, або як поєдналися якір і хрест. Запоріжжя, 1992. С. 4–17; Его же. Корабли веры : Судходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье, 1997. С. 125, 126.
- ¹⁶ Выступление Д. А. Мачинского в дискуссии на Вторых чтениях памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22 декабря 1996 г.
- ¹⁷ Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков : каталог и исследование. М., 1995. С. 240–245.
- ¹⁸ Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 13.
- ¹⁹ Братко-Кутинский О. Напавки Святої Трійці Київ, 1992.
- ²⁰ Подробнее см.: Белецкий С. В. Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича // Культурный шар : Статьи на пошану Гліба Юрійовича Іваківа. Київ, 2017. С. 38–50.
- ²¹ Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманским дирхемам // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» : материалы докладов и сообщений. СПб., 2015. С. 121, 122. Рис. 8.
- ²² Белецкий С. В. Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. // Stratum plus. 2015. № 6. С. 217, 218, 220. Рис. 1, 136.
- ²³ Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII вв. Киев, 2012. Т. 1 : Древнерусские печати великих князей киевских и митрополитов Руси. С. 6. № 4.
- ²⁴ Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень : Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран : 80 летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. СПб.; М., 2010. Т. 1. С. 284–289; Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4 : Материалы Междунар. конф. «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». СПб., 2014. С. 12, 27. Рис. 1, 2.
- ²⁵ Кулешов Вяч. С. Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв. : Нумизматический сборник к 60-летию Петра Г. Григорьевича

- Гайдукова М., 2015. С. 29. Здесь же основная литература.
- ²⁶ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 149; Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев» : Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 254, 255.
- ²⁷ Белецкий С. В. Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси // Государственный исторический музей : Нумизматические чтения 2011 года : Памяти Алексея Владимировича Фомина : тезисы докладов и сообщений. М., 2011. С. 47, 48.
- ²⁸ Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки). С. 13, 28. Рис. 3.
- ²⁹ Благодарю Вяч. С. Кулепова (Государственный Эрмитаж), сообщившего мне результаты определения монеты.
- ³⁰ Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам. С. 119.
- ³¹ Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 (ул. Некрасова, 3; Подзноевский XII раскоп, 2008 г., участок В, яма № 17, кв. 105–107, 115–117, 125–127, пласты 9–21; захоронение мужчины с серебряной подвеской со знаком Рюриковичей) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб., 2016. Т. 2. С. 289.
- ³² Rispling G. Coins with crosses and bird heads – Christian imitations of Islamic coins? // Fornvännen. 1987. Vol. 82. S. 84.
- ³³ Lindberger E. The Falcon, the Raven and the Dove : Some bird motifs on medieval coins // Eastern Connections. Stockholm, 2001. Pt. 1 : The Falcon Motif. P. 68; Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове. С. 288; Ершова Т. Е., Яковлев А. В. Подвеска со знаком Рюриковичей и изображением птицы с крестом из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. С. 409; Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her «Christian Falcon» Emblem // Russian History. 2012. Vol. 39. P. 468; Кулешов Вяч. С. Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа. С. 29.
- ³⁴ Речь должна идти об изображении именно «птицы с крестом», то есть птицы, из головы которой растет крест. Вопрос о том, как это изображение связано с изображением на монетах группы bird coin, остается открытым.
- ³⁵ Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. С. 272, 273.
- ³⁶ Там же. С. 271–273.
- ³⁷ Вопрос о связи княгини Ольги с Псковской землей подробно анализировал А. А. Александров (Александров А. А. Во времена княгини Ольги : Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков, 2001; здесь же основная библиография).
- ³⁸ Согласно ст. 98 Пространной Правды, бастарды исключались из числа наследников своих отцов (Правда Русская. М. ; Л., 1940. Т. 1 : Тексты. С. 446, 447).
- ³⁹ Согласно ст. 103 Пространной Правды, мать сама распоряжается своей собственностью, и только если она не оставила завещания, ее собственность переходит к тому из детей, у которого мать жила перед смертью (Правда Русская. Т. 1 : Тексты. С. 448, 449).